

Николай Добролюбов

Мишура

Николай Добролюбов

Мишура

«Public Domain»

1858

Добролюбов Н. А.

Мишура / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1858

ISBN 978-5-457-18677-4

«...Если бы мы хотели подражать строгим критикам г. Львова, мы могли бы прежде всего вскинуться и на г. Потехина, зачем он идеалом бескорыстия представляет нам негодного человека. Но мы пока этого не сделаем, а просто сообщим читателям, что героем пьесы г. Потехина является Владимир Васильевич Пустоверов, советник губернского правления, обладающий бескорыстием действительно идеальным. Не брать взятки – в этом поставляет он идеал всех человеческих совершенств; брать взятки – это значит быть человеком безнравственным, гадким, бесчестным в самой последней степени...»

ISBN 978-5-457-18677-4

© Добролюбов Н. А., 1858
© Public Domain, 1858

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Николай Александрович Добролюбов

Мишура

Комедия в 4-х действиях Алексея Потехина. Москва, 1858

Комедия г. Потехина не получила такой популярности, какую пользуются комедии г. Львова^{1}, и об этом нельзя не пожалеть. Предмет их имеет много общего; но, тогда как г. Львов довольствуется легкою пародиею, г. Потехин представляет нам комедию, имеющую серьезное значение. Если бы мы хотели подражать строгим критикам г. Львова, мы могли бы прежде всего вскинуться и на г. Потехина, зачем он идеалом бескорыстия представляет нам негодного человека. Но мы пока этого не сделаем, а просто сообщим читателям, что героем пьесы г. Потехина является Владимир Васильевич Пустозеров, советник губернского правления, обладающий бескорыстием действительно идеальным. Не брать взятку – в этом поставляет он идеал всех человеческих совершенств; брать взятки – это значит быть человеком безнравственным, гадким, бесчестным в самой последней степени. Каковы бы ни были все остальные качества человека, взявшего взятку, он достоин каторги; каковы бы ни были все остальные качества человека бескорыстного, он не может не быть человеком превосходным, делающим честь человеческому роду. Вот весь кодекс убеждений Пустозерова. Убеждения эти, как видите, поставлены твердо и решительно, и во всей пьесе он их поддерживает на деле. При всем том мы признаемся, что давно уж, при чтении русских беллетристических произведений, ни к одному герою их не чувствовали мы такого возмущающего сердце омерзения, как к этому Пустозерову. Все эти подьячие старых времен, Порфирии Петровичи и другие взяточники гг. Щедрина и Печерского^{2} и, с другой стороны, все эти пошлые фразеры, вроде Надимова и Фролова^{3}, – ничто в сравнении с бескорыстным на деле Пустозеровым... Здесь все краски порочности и пошлости так густо и ярко наложены, что мы даже прямо можем сказать в этом случае, что автор *хотел* вывести негодяем этого бескорыстного человека. На это намекает и самое название комедии: «Мишура». С первого явления до последнего, с каждым словом Пустозерова, отвращение к нему читателя увеличивается и под конец доходит до какого-то нервного раздражения. Это уже не случайность, это расчет таланта. И, по нашему мнению, в развитии характера Пустозерова г. Потехин выказал замечательное мастерство. Так как вся интрига пьесы вертится около этого лица, то мы, не рассказывая предварительно ее содержания, прямо и займемся этим характером.

Начинается действие в кабинете Пустозерова, убранном с претензиями, но довольно бедно. Между разными утварями комнаты нужно заметить множество ни на что не нужных безделушек и литографированные картинки, изображающие полуобнаженных женщин в разных положениях. Пред вами уже начинает рисоваться человек, несколько чувственный, мелочный, с претензиями, склонный к светскому фатовству, но удерживаемый, по видимому, чувством долга, потому что не предается вполне своим наклонностям, а живет *бедно*, – значит, взятку не берет. С первых же слов своих он не замедлит оправдать впечатление, производимого его кабинетом. Слуга его Андрей, несколько глуповатый и необтесанный парень, входит и поздравляет Пустозерова с днем рождения. Пустозеров говорит, что это глупость, деревенщина, *патриархальность*, и прогоняет Андрея. Оставшись один, он

^{1} Пьеса Потехина была запрещена театральной цензурой и не ставилась в театре до 1862 г. Комедии Н. М. Львова – «Свет не без добрых людей» и «Предубеждение» (последней Добролюбов посвятил специальный отзыв – см. предшествующую рецензию).

^{2} *Порфирий Петрович* – персонаж «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Чиновничий произвол и взяточничество обличается в рассказах П. И. Мельникова-Печерского «Полярков», «Медвежий угол», «Непременный» и др.

^{3} *Надимов* – герой комедии «Чиновник» В. А. Соллогуба; *Фролов* – герой комедии Н. М. Львова «Предубеждение».

занимается созерцанием в зеркало своей особы и, между прочим, рассуждает: «В двадцать семь лет – советник губернского правления... недурно!.. А хотел бы я для сегодняшнего дня назвать Дашеньку моею». Вы ожидаете, что Дашенька – его невеста, но ошибаетесь жестоко... Вы увидите потом, что для него значит – *назвать своею*... Далее, бросая взгляд на кипу бумаг, лежащих на столе, Пустозеров держит про себя следующую речь: «Эк их сколько! Есть ли человеческая возможность все это прочесть... и за 900 целковых жалованья!.. Высокое наслаждение чувствовать себя бескорыстным; для этого чувства я готов все перенести, готов умереть; но и существовать на 900 целковых, в пору самой пылкой молодости... поставленному на вид у целой губернии, развитому и образованному человеку, видеть беспрестанно возможность обогатиться и отталкивать постоянно все соблазны с презрением: это не последний подвиг».

Монолог этот рисует нам Пустозерова во всей низости его бескорыстия. Во-первых, он жалуется, он сожалеет о своем бескорыстии и тем уже приближает себя к пошлости Фролова. Затем он высказывает, что служба для него все-таки важна как средство обогащения. Он говорит, что за 900 целковых не стоит читать всех этих бумаг, значит, он служит не для пользы, а для жалованья. И во имя чего этот господин так утвердился на своем бескорыстии? Есть ли у него то внутреннее благородство, которое заставляет человека чувствовать инстинктивное, естественное отвращение к взятке, как и ко всякому воровству? Нет; из слов его видно, что ему дорого стоит обуздать в себе стремление к воровству; он только сдерживает свои влечения отвлеченным принципом и гордится этим... гордится тем, что не крадет!..

Второе явление представляет критическую минуту, долженствующую показать во всем блеске этого чиновника, бескорыстного по принципу. Пустозеров назначен на следствие, для открытия злоупотреблений по винному откупу, и к нему является поверенный одного из откупщиков, с толстым пакетом. На вопрос Пустозерова: «Что это такое?» поверенный отвечает: «Сумма, достойная вашего высокоблагородия». Бескорыстный Пустозеров приходит, разумеется, в ярость и кричит: «Так твой хозяин надеется подкупить меня, купить у меня правду и *долг службы*? Да как ты осмелился, *борода*, как осмелился твой мерзавец хозяин подумать подкупить чиновника, *которому доверяет губернатор, о бескорыстии и неподкупности которого знает вся губерния?*» Затем Пустозеров хочет упрятать поверенного в полицию и посылает Андрея за квартальным; в это время поверенный скрывается. Оставшись один, Пустозеров не может не сказать себе молодца за свой поступок. «А соблазн был не мал, – говорит он, – пакет порядочный... знали, к кому шли». «О, как бы можно было обирать этих мошенников, если бы захотел», – прибавляет он с горечью... Размышления его прерываются приходом Потапа Егорыча Зайчикова, секретаря градской думы в уездном городе. Наслышавшись о благородстве Пустозерова и о том, что губернатор ему доверяет, старик Зайчиков просит заступиться за него пред губернатором. Сначала Пустозеров говорит старику о сыне его, который служит в губернском правлении очень хорошо, только иногда позволяет себе некоторые выходки: «То из присутствия уйдет прежде времени, то не явится вечером... под тем предлогом, что дело свое сделал... Да ведь порядок нарушает... Ну, и формы не соблюдает иногда даже умышленно... Конечно, смешно, что какой-нибудь столоначальник рассуждает об установленном и уже существующем порядке, а между тем это может повредить его служебной карьере». Вот и понятия бескорыстного человека о долге и цели службы высказались перед нами... Не правда ли, это прибавляет довольно резкую черту к его характеру? Далее Пустозеров спрашивает Зайчикова, сколько у него детей, и узнает, что шестеро, кроме старшего; узнает и то, что жалованья в год Зайчиков получает 85 рублей серебром с копейками. Наконец, доходит и до объяснения просьбы Зайчикова. Объяснение это довольно оригинально, и мы его выпишем:

Как изволили их превосходительство (говорит Зайчиков) в последний раз на ревизию ездить... изволили поехать инкогнито, никто ничего не знал;

приехали вдруг в наш городишко, и прямо по присутственным местам. Я только что успел сбегать домой, мундиришко натянуть, перепыхался совсем по старости лет, а они уж и к нам пожаловали. Изволили войти и прямо на меня оборотились, а я и от попыхов-то и от страху, что наслышался об ихней строгости, духу не могу перевести, даже язык к гортани присох, в горле стеснение сделалось. Посмотрели на меня и спрашивают: «Ты секретарь?» Только я голосом знак подал, а язык даже не проговорил и ихнего чина не произнес. Посмотрели этак на меня и на мундиришко мой, а он уж, правда, старенок же был, да и спрашивает: «Сколько лет у тебя мундиру?» И опять я не мог дать ответа: мну, мну языком, – не говорит. Тут опять посмотрели на меня их превосходительство и изволили сказать: «И видно, говорят, у кого совесть-то нечиста». Пошли в присутственную комнату, не понравилось убранство. «Кто, спрашивают, канцелярскую сумму расходует?» Голова отвечает, что секретарь. Стали они тут на меня гневаться, что канцелярскую сумму будто бы себе в карман кладу; а велика она, – извольте справиться: только бы на бумагу да на свечи стало; нынче же бланки и книги все с печатными заголовками приказано иметь; откуда тут на убранство взять?.. Мне бы все это изъяснить, а ужась меня обуяла: язык точно деревянный. Тут стали ревизию производить, а у меня за два последних дня и журналов не выведено: потому – общество у нас маленькое, делов никаких не было... Конечно, для порядку следовало бы поверстать из других ден, да ведь не знали и ничего не слыхали, что скоро будет ревизия. Так этим разгорячилось их превосходительство, что все уж тут стало не по ним: в архиве порядок не понравился, у одного служащего сапоги худые на ногах усмотрели, спросили у меня, который мне год; на беду язык проговорил, что 65 лет, и это им обидно показалось, зачем до таких лет службу продолжают, что хотя разуму я и лишился, но в лихоимстве будто бы и купцов обирать понятия не потерял. Конечно, против их превосходительства я к сердцу этих слов принять не осмелился, потому что заслужил, хотя и не чувствую себя в том виновным, как перед истинным богом говорю; но полагал, что их превосходительство погневаются, да и рассудить изволят, не думал того, что вдруг меня постигло: вместе с распоряжениями по ревизии пришло от их превосходительства предписание, чтобы я немедленно подал в отставку. Войдите в мое положение, ваше высокоблагородие, на вас одних надежда.

Этот рассказ показался нам очень типичным. Как ярко рисуется в нем этот забитый, покорный добряк, ни о чем не смевший думать самостоятельно, не имевший никогда ни одного высшего интереса в жизни, ограничивший себя своей узенькой и грязноватой сферой, добрый человек по привычке, взяточник по привычке, благоговеющий пред губернской властью – по привычке!.. Он сознает себя виноватым, что *для порядка* не вывел в журнале дел, когда дел не было, но оправдывает себя тем, что ведь он *не знал, что ревизия будет...* Сколько бессознательной, но горькой иронии слышится в этих словах его, и какой смиренный, но мрачный, вопиющий протест представляет он своим несвязным рассказом против *их превосходительства*, карающего лихоимство в образе старого секретаря градской думы! Слова Зайчикова вполне выказывают его и должны пробудить сострадание к его добродушной глупости во всяком порядочном человеке. Но не так принимает их Пустозеров. Когда Зайчиков просит его о защите пред губернатором, он спрашивает: «Так вы считаете генерала несправедливым?» Ответ, разумеется, такой: «Осмелюсь ли я только подумать!..» Затем Пустозеров составляет следующий силлогизм: «Значит, вы хотите, чтоб я покривил душой, прося губернатора изменить правильное распоряжение?» Зайчиков говорит, что он просит

только милости, потому что иначе ему существовать нельзя. Пустозеров возражает, что, во-первых, служба не богадельня, а во-вторых, старик выслужил пенсию, равную жалованью; следовательно, если на жалованье жил, то и на пенсии может жить. Старик, конечно, признается, что он получал доходы, хотя никому не оказывал притязания, брал, что принесут, как милостыню. «Купцы меня без души любят, – говорит он, – а если б я от них не получал, так не то что в университете сына содержать, а и грамоте-то детей не на что было бы выучить». Стоик наш вопрошает очень решительно: «И гораздо бы лучше вам было оставить их неучами, нежели образовывать на незаконно нажитые деньги. Всякий чиновник должен жить на те средства, которые ему дало правительство, а тот, который позволяет себе побочные доходы, не может быть терпим на службе». Зайчиков продолжает умолять о защите и пощаде; непоколебимый герой отвечает, что хлопотать за взяточника с его стороны было бы низко. Зайчиков, истощив все просьбы, обещается *благодарить*. Пустозеров приходит в бешенство... Зайчиков бросается на колени, с мольбой о пощаде. Оскорбленный этим в своих человеческих чувствах, Пустозеров презрительно говорит: «Дворянин – на коленях!.. не позорьте своего звания... Это гнушно...» – и прогоняет от себя старика.

Мы нарочно остановились подольше на этой сцене, резко выказывающей, как много сухости, эгоизма, бесчеловечия в этом идеале бескорыстия, как много мелочности и формальности в самых его понятиях о долге. В этом разговоре, где он, собственно говоря, прав и добродетелен, где он и умом, и честностью, и своими понятиями, кажется, далеко превосходит Зайчикова, ничье человеческое сочувствие, однако же, не обратится, вероятно, к нему. Напротив, он представляется нам гнусен и низок даже пред этим жалким Зайчиковым.

По уходе старика являются частный пристав и секретарь правления. Частному поручает он отыскать поверенного, предлагавшего взятку, а с секретарем, Анисимом Федоровичем, толкует о делах и, между прочим, о том, что вице-губернатор не соглашается на предание суду двух исправников за медленность в очищении недоимок. Секретарь говорит, что за это суду-то предавать, собственно, и нельзя по-настоящему; но Пустозеров заставляет его замолчать, говоря, что уж тут толковать нечего, – это генерал приказал: «Генерал непременно хочет, чтобы все недоимки к Новому году были очищены во что бы то ни стало». При этом случае он ругает вице-губернатора и обещает секретаря защищать против него в случае надобности. Секретарь уходит; вслед за ним является помещик Золотарев. Встретившись с секретарем, он начинает разговор с него и замечает, что это великий мошенник. Оказывается, что Пустозеров об этом знает и что даже губернатор хотел выгнать Анисима Федоровича. «Но я заметил, – говорит Пустозеров, – что он отличный делец, и упросил губернатора оставить его; он может быть очень полезен для службы, только его надобно держать в руках». В этом объяснении бескорыстный герой наш оказывается не совсем верным своему принципу; но мы скоро увидим, что у него на этот раз были особенные побудительные причины такой непоследовательности. Теперь же пока он опять является героем, потому что Золотарев приехал просить его опять за откупщика, с которым он в доле в откупе. Пустозеров не соглашается ни под каким видом – ни замаять дело, ни даже передать другому следователю, хотя Золотарев оказывается диалектиком очень ловким. Разговор прерывается приездом к Пустозерову его дяди и тетки, у которых он воспитывался, которых звал отцом и матерью, но которых теперь стыдится, как степняков, диких и необразованных. Ничего не подозревая, они лезут к нему в объятия, грубо хохочут, бесцеремонно рекомендуются гостю и начинают сообщать некоторые подробности своего домашнего быта. Пустозеров, в крайнем смущении, извиняется пред Золотаревым; он опозорен, уничтожен, он не знает, как бы смыть это страшное пятно, которым заклеила его любезность родственников. Золотарев, смекнув, в чем дело, говорит ему: «Вполне понимаю ваше положение и, если угодно, оставляю для одного себя тайною вашу радость. Но как же ваше согласие?» Полный душевного смятения, Пустозеров немедленно соглашается передать дело другому следователю и, проводив Золо-

тарева, начинает говорить грубости дяде и тетке. Те оскорблены и объявляют ему, что приехали было с радостной вестью о получении, вместе с ним, в раздел наследства от тетушки и что свою часть хотели ему отдать, но что теперь уж он от них ничего не увидит. Пустозеров поражен; он уже называет тетушку маменькой, как бывало, он хочет удержать ее с дядей, но они оставляют его. Он бежит вслед за ними, восклицая: «Что за несчастье! А в городе-то что будут говорить!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания